

Полетим... и мы - полетели...

Килунин Кирилл

Кирилл Килунин

Полетим... и мы – полетели...

«Автор»

2017

Килунин К. Б.

Полетим... и мы – полетели... / К. Б. Килунин — «Автор», 2017

Иногда детские страхи возвращаются, когда случайно найденная открытка от друга, пролежавшая непрочтенной двадцать лет, это спусковой крючок к самым невероятным событиям. Твой путь лежит в Подземные чертоги, где Черный Волк и его хозяин ведут вечную войну с триждыдевятым королевством, и уходит со «Станции, которой нет» поезд в «Долину забвения», а когда Герой вступает в Подземные чертоги, судьба посылает ему надежного спутника и смерть в конце пути, если не будет он следовать своему предназначению...

© Килунин К. Б., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Вовка. Полог	5
Сон 1	9
Сон 2	13
Визит 3	15
Начало Пути... Ведающая Мать 4 и 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кирилл Килунин

Полетим... и мы – полетели...

Вовка. Полог

Мы крадемся..., две тени... меж высоких деревьев, под ногами хрустят сухие сосновые иглы, разводя руками бархатную тьму, словно прибрежную речную воду... два отчаянных пловца ныряем в эту тьму – собравшись с духом, два сердца стучат в унисон, впереди старый деревянный забор, за ним то, что встречают отважные герои в страшных сказках. Мы дети, мы верим в сказки. Мы дети, мы верим, что страшное не может случиться с нами, оно всегда по ту сторону забора... за пределами сознания или осознанного мира. Мы, это я и Вовка. И это воспоминания моего детства... Они похожи на корабли... бороздящие глубины времени, твоего или моего, они всегда внутри, но иногда выплескиваются наружу и становятся чем-то вполне материальным.

*

Я думаю, что некоторые люди похожи на корабли. Их прибытие в твой порт – важнейшее событие дарованное жизнью. Не всегда ты это осознаешь сразу. Иногда для этого нужны годы, чтобы повзрослеть, поумнеть, наконец – набраться жизненного опыта и понять – однажды... что ты потерял когда-то... или приобрел, ведь такой человек – корабль навсегда оставляет в тебе след своего пребывания, отпечаток своего уникального мира, образ – настоящего человека, которого ты потом неосознанно ищешь остаток жизни.

Вовка был для меня таким человеком... Его образ – образ верного друга детства: веселого шалопая одиннадцати лет от роду, импульсивного, любящего всевозможные тайны, знающего и умеющего рассказывать такие истории, от которых ветер в волосах, мурашки по телу, и кажется, что черта между миром взрослых и детских фантазий безмерно тонка, стоит лишь набраться смелости, и сделать шаг...

Как сейчас помню – круглолицый и черноглазый – похожий на цыганенка, гуттаперчевый и подвижный как ртуть, улыбчивый, искрениый и отважный, все это мой Вовка...

Мы вместе сосланные уставшими родителями в пионерский лагерь на все лето, осваивали эту неведанную территорию как чужую планету, или незнакомый мир, прозванный в нашей реальности – «Лесной поляной». «Лесная поляна» (типовой панельный корпус – отпечаток советского конструктивизма с палатами на четыре и десять человек, просторной светлой столовой и актовым залом, где проходили пионерские линейки под стук барабанов и пение горна) она уже порядком обветшала и по современным меркам убогая имела огромное для детского восприятия преимущество, так как находилась посреди настоящего соснового леса – в самой его гуще, будучи гармоничной его частью, или единым целым.

Так, огороженное дырявым забором пространство, мало отличалось от того, что было за ним: все тот же лес с зарослями колючей малины, кустами черники и земляники, огромным пирамидальным муравейником, золотыми корабельными соснами поющими от касания ветра, потаенными ложбинками – заросшими слоноподобными лопухами и папоротником, и остатками старых – уже полусгнивших строений – одно из которых когда-то было открытым деревянным театром, а другое – складскими помещениями. В общем лес был, а поляны, по сути – не было, мы жили в плоском панельном двухэтажном каменном доме в лесу.

В нашем лесу, кипела настоящая жизнь. Здесь кроме нас пионеров, и приставленных для присмотра вожатых – воспитателей, водились обиденные – бесстыжие рыжие белки, достаточно упитанные – пугливые палевые зайцы, разношерстные и разнообразные в нелепом скрещении генов – безумно добрые бездомные собаки, которых мы регулярно подкармливали

сквозь щели проломленного и обветшалого забора недоеденными котлетами и ворованным с кухни хлебом, смело трогая детскими розовыми ладошками их горячие носы, и свалявшийся от грязи собачачий мех.

Была здесь и своя – потаенная – скрытая от мира взрослых жизнь, вошедшая в местный детский фольклор и ночные кошмары тех, кто умудрился случайно или вполне преднамеренно встретиться с ней наяву.

Ты можешь в это не верить.... Я верил когда-то, а потом забыл, когда стал взрослым, или просто перестал верить, но так и никому не рассказал....

Не знаю почему, мы никогда не рассказывали взрослым: ни вожатым-воспитателям, не своим родителям, о «черном волке» и «человеке в сером плаще».

О черном волке знали немногие из нас, и никто и никогда его не видел, хватало простого ощущения присутствия этой темной сущности в пределах данной Эйкумены. «Черный волк», возможно по определению – рожденный детскими страхами темноты и неизвестности, он был сгустком прожорливой и опасной тьмы, первобытным кошмаром или просто – глупой страшной сказкой, придуманной кем-то – когда-то, если бы не те же прикормленные нами бездомные собаки... Иногда, когда, мы с Вовкой или другие ребята тайком гуляли вдоль забора перед отбоем или уже после отбоя – потихонечку выбравшись из окон своей палаты, пока взрослые спали, Иногда, мы неожиданно, чувствовали порыв холодного ветра в лицо, как удар мокрым полотенцем. И дружелюбные собаки, при встрече нас всегда искренне виляющие своими нелепыми хвостами, вдруг начинали жалобно поскуливать и лаять на темноту, мы тут же брали ноги в руки, и, давя в себе панический постыдный девчачий визг, бежали – крепко взявшись за руки, туда, где мир взрослых обещал защиту, туда где был свет фонарей, помогая друг – дружке карабкались в окно своей палаты, щелкали задвижкой, а на полу у самого окна рисовали кусочком специально припасенного белого мела прямую черту, за которую как мы искренне верили не должно и не может проникнуть никакое зло, в том числе «черный волк». Почему «черный волк», не знал ни кто из нас, это имя передавалось из уст в уста, из смены в смену, от отбывающих, к новичкам, по большому секрету. Нам передал этот секрет Егор, рыжий такой, вихрастый – серьезный пацаненок, примерно нашего возраста. Не знаю, почему из всех вновь прибывших он выбрал именно нас двоих, но эта тайна сплотила нас с Вовкой, заставив держаться вместе, прикрывая спину друг – друга, после того как назвавшийся Егором убежал и заскочил в отбывающий домой автобус под ругань вожатых-воспитателей и веселое улюлюканье других ребят.

Егор говорил, что «черного волка» можно было только ощутить...., но не увидеть. От этого он не менее, а может быть, еще более, казался по настоящему – опасным и страшным...., этот «черный волк», а вот «человека в сером плаще» видели с десятков наших ребят, его видел и Вовка, но больше всего «человек в сером плаще» любил показываться девочкам. Обычный на первый взгляд, среднего возраста и невысокого роста мужчина, с большой проплешиной на голове, с блеклыми какими – то – бесцветными волосами и белесыми рыбьими глазами. Он говорил низким ласковым голосом, и казалось, словно паук заманивает тебя в свою паутину, шевеля узкими бледно-розовыми губами. А в самый неожиданный момент, он распахивал свой плащ... Девчонки, говорили, что там у него лошадиные ноги, с копытами и хвост (они верили, что он черт, тот которого они сами вызывали на ночь, чтобы задать эти «важные женские вопросы» или загадать желание). Вовка уверял, что, под плащом «серого..» – просто тщедушное голое тело, как у обычного мужика в бане и ничего интересного или ужасного. Но все равно «человек в сером плаще» был злом, мы конечно не понимали этого, но чувствовали как «черного волка», он был существом той же природы, опасностью, что таится там за забором, то о чем не принято говорить со взрослыми... Почему? Потому что они все равно не поверят, будут смеяться над твоими «пустыми» страхами, а если вдруг на секунду поверят, то, наверное, испортят всю сказку... ведь жизнь в лагере была похожа на сказку, ту что иногда

нам читали на ночь родители. А нам, так хотелось прикоснуться к этому самому сказочному инобытию, именно для этого мы строили тайные убежища в развалинах открытого театра из старых досок, фанеры и кусков полиэтилена, устраивали опасные экспедиции за забор до отбоя и после..., а еще... искали настоящий клад.

Клад... наши вожатые-воспитатели – две девчонки девятнадцати лет – казавшиеся тогда нам ужасно взрослыми – Лена: медлительная, молчаливая и временами угрюмая, белобрысая, худая с голубыми глазами, и множеством веснушек, безумно начитанная, и наверное от этого умная, и Настя: толстущка брюнетка, веселая стремительная в движениях и выдаваемой ей информации, крикливая, но чрезвычайно добрая с нами «вождями краснокожих» рассказывали как то перед отбоем, что когда-то, когда, наш лагерь был закрыт (точнее законсервирован) на зиму, здесь прятался ограбивший кассу местного завода преступник. А когда его задержала милиция, денег, по тем временам огромную сумму, в полмиллиона рублей при нем не нашли. Говорят, что он их спрятал, где – то здесь, правда деньги безуспешно искала милиция с собакой (настоящей немецкой овчаркой) и местный сторож – пьяница Семеныч, но безуспешно..., это самое безуспешно только добавило нам пыли.

Конечно эти полмиллиона мы тоже не нашли, но сколько было веселья, сколько азарта и трепетания детской души от возможности чуда во время специально организованных нами поисков. В одной из лесных ложбинок мы с Вовкой с помощью двух совков для мусора откопали древний чугунный сейф с имперскими орлами на дверце – совершенно пустой – непонятно каким образом оказавшийся здесь и ни кем, не обнаруженный до нас, а в другой лесной ложбине мы наткнулись на залежи настоящей белой глины, из которой потом лепили различные забавные фигурки (гномов, с неприличными частями тела, птиц, драконов, самоходки и танки) и даже пытались обжигать их для крепости на костре. Пока не были пойманы тем же сторожем Семенычем, и справедливо получили по ушам..., и свою долю отборного мата, от этого седого горбуна, вечно шлявшегося по территории лагеря в грязном бежевом дождевике, кирзовых сапогах и под шафе.

Семеныч – одна из живых легенд «Лесной поляны» – притча во языцех..., говорят, что когда то он был директором нашего пионерского лагеря, но начал спиваться и с директорской должности докатился до сторожа. Причин сей человеческой трагедии, по словам словоохотливой работницы кухни – тети Дуси, носившей забавное прозвище Дульсинея за любовь к трагическим и романтическим историям было две. Однажды, Семеныч вернулся к себе в частный дом, где жил вместе с женой и увидел, что то горит. Он бросился внутрь, чтобы спасти жену. Но у него ничего не вышло. Более того, с потолка сорвалась горящая балка и серьезно повредила ему спину. После чего Семеныч и стал горбуном. Доблестная пожарная команда вытащила Семеныча из горящего дома. А он, этого вовсе не хотел. Поэтому и запил... По второй версии Дульсинеи, более экзистенциональной, конечно тогда я еще не знал смысл этого слова, Семеныч запил от простого человеческого страха, страха – все потерять: дом, жену, здоровье, или еще что – то важное... потерять вдруг все по воле случая без каких либо явных причин...

Мы никогда не злились на Семеныча, как бы он не кричал и не раздавал оплеухи, мы не считали его злым, это просто был человек пустоты, он всегда носил с собой свою пустоту, был частью ее, всегда появлялся как будто из пустоты и затем, сделав свое дело, исчезал в ней. Конечно, мы не знали и не понимали всей сути происходящего, просто чувствовали, что все происходит именно так, изредка глядя в его глаза..... в которых погас солнечный свет...

*

Мой солнечный Вовка, регулярно искрился светом и всевозможными забавными идеями. О чем? Конечно о том, какую авантюру затеять в этот день, и как учудить. Но иногда он темнел и уходил глубоко в себя, словно проваливаясь в серое безмолвие осеннего неба, не позвав меня с собой и потом, забившись в какой-нибудь пыльный угол, плакал без слез, как это умеют делать взрослые битые жизнью мужики. Дело в том, что его родители собирались

развестись. Хотя мне было одиннадцать лет, я рос довольно беззаботным, как сейчас понимаю – задержавшимся в раннем детстве ребенком, поэтому для меня слово – развод было чем – то непонятным, достаточно эфемерным. Это было не со мной, и с присущим многим детям эгоизмом, я не понимал всей Вовкиной трагедии, уверяя его, что они взрослые, поэтому – мудрые люди, и обязательно помирятся. Вовка мне в этом вопросе не доверял, видимо понимал и знал больше... чем я, был чуточку взрослее.

Конечно же, мы поклялись однажды, что будем как братья и даже разрезав кусочком бритвенного лезвия друг-друге правые указательные пальцы, смешали свою кровь. Подтвердив сию клятву. Было больно. Но по настоящему больно было потом... Мы оба, уже без стеснения, ревели навзрыд, когда за Вовкой неожиданно – за три дня до окончания лагерной смены приехал на мотоцикле «Ява» отец – весь одетый в кожу черный человек в алом мотоциклетном шлеме, лицом очень похожий на Вовку только постаревшего на двадцать лет. Мы долго не могли разжать руки, протянутые для прощального рукопожатия. Потом мы обнялись крепко, на клочке разлинованного листа из блокнота я написал Вовке свой адрес (в г. Перми, это город в котором мы оба живем), он не мог дать мне свой адрес, потому, что должен был жить теперь только с отцом по новому неизвестному еще адресату. Только теперь, я понимаю, всю ненормальность этой ситуации. По суду Вовку бы никогда не оставили с отцом, скорее всего, отец его просто выкрал, без ведома матери. Но, это я понимаю только теперь. Тогда для меня вся эта история была непонятна. Я просто грустил, и ждал с нетерпением первого Вовкиного письма.... Но он так мне и не написал..., по крайней мере, я тогда так подумал, и даже долго обижался. Но быстро забыл о нашей дружбе, уже через год....

И только десять лет спустя, занимаясь ремонтом, за купленным еще моей бабушкой шкафом в прихожей я нашел обещанное Вовкой письмо.... Как оно оказалось там было непонятно, мама и сестра уверяли, что никогда его не видели, а мой отец и дед к тому времени умерли и не у кого было узнать правду. Мне стукнул двадцать один год, здоровый парень, но прочитав это письмо я по настоящему заплакал, не понимаю, возможно, от обиды, может быть от того, что вспомнил Вовку и понял, что за прошедшие десять лет у меня никогда не было такого настоящего друга и возможно уже не будет....

Он написал немного:

«Здравствуй дорогой друг Кирюша. Живу хорошо, встречаюсь с Юшковым Сергеем, он живет близко со мной. Напиши как дела, как живешь. Пиши письма я буду их ждать...

Твой друг Вова...»

Всего несколько строчек неровным детским почерком, но от этого письма веяло настоящим теплом, оно как будто искрило истинным солнцем. Читая его, я думал, что больше никогда не увижу своего настоящего друга.... Но все же, встретился с ним в одном из своих снов.

Сон 1

Во сне Вовка не был таким как в детстве, это был уже взрослый крепкий парень одного со мной возраста, то есть лет двадцати с небольшим, и мы были вместе, вместе шли по какому-то дурно пахнущему старому подземелью, в его правой руке был самодельный факел. Мне хотелось так много у него спросить, узнать как он жил все эти десять лет, и задать, как показалось тогда, важнейший вопрос: не обиделся ли он на меня за то, что я не ответил на его письмо. Я хотел объяснить ситуацию или прояснить ее. Но Вовка серьезно посмотрев в мои глаза, только обнял меня крепко по-мужски и шепнул на правое ухо: после Кирюша, сейчас любые разговоры могут быть опасны.

В этом подземелье мы были не одни, впереди также с факелом и автономным военным фонарем шли еще двое ребят, вернее парень и девчонка, все сосредоточенные, и серьезные как Вовка. Кажется, у всех у них была одна цель, о которой пока я ничего не знал...

Парень весь заросший черной бородой, одетый в типовую камуфлю и берцы, девчонка рыжая в нелепом для этого грязного подземелья ярко желтом резиновом плаще и зеленой вязанной шапочке. Не смотря на их внешние различия, я почему-то решил, что они брат с сестрой... Было в них что-то позволяющее сделать такое заключение... возможно то как они двигались или изредка смотрели на друг друга.

Мы шли достаточно долго, возможно час или два, под землей сложно определить время, тем более, если по воле неведомого режиссера у вас нет ни телефона не часов привычных в обыденном мире.

Периодически бездушно благоухало канализацией, один раз мы вышли к небольшому озеру в каменную стену здесь была вмурована ржавая цепь, к концу которой была привязана заплесневевшая очень старая лодка с одним веслом. Парень с черной бородой отвязал цепь и помог взобраться в лодку предположительно сестре, а Вовка помог мне, рыжая девчонка подняла со дна лодки алюминиевый котелок и начала вычерпывать из нее медленно поднимающуюся снизу ледяную воду, ее предполагаемый брат греб единственным веслом, я и Вовка держали два факела, их нельзя было выключить так просто как автономный фонарь. Плыли мы около пулучаса, а затем, тем же манером как погрузились, сошли с чудом не затонувшей древней посуды: предполагаемый брат помог выбраться из лодки предполагаемой сестре, а Вовка мне, как неопытному путешественнику и никакому дигтеру оказавшемуся впервые в подобной ситуации.

Мы шли еще какое-то время, пока внезапно, подчиняясь порыву невидимого ветра, с начало потухли оба факела, а секунду спустя и автономный фонарь. Зажечь их по новой так и не вышло, как мы не старались, единственная зажигалка тоже не давала искры, а фонарь просто отказывался работать.

– Что будем делать, – я не видел, но почувствовал как Вовка темноте пожимает плечами... Я уже собирался задать еще какой-нибудь вопрос, не смотря на предупреждения Вовки, но он сам наклонился к моему правому уху и шепнул: пошли... и мы пошли все четверо в полной темноте... внезапно подземный ход закончился сводчатым туннелем, облицованным красным кирпичом. Я смог определить это благодаря чахлому лучу света, пробивающемуся откуда-то с высоты – возможно там за идущим вверху параллельным ходом был канализационный люк или другое техническое конструктивно необходимо функционально необходимо отверстие.

Между тем, видимый теперь туннель упирался в стену, выложенную заплесневелым бутовым камнем. В ней обнаружился небольшой пролом, а за ним открылась длинная галерея, похожая на еще более старый туннель. Камни там были покрыты каким-то белым налетом похожим на отложения соли или подземный мох, от этого белого налета исходило призрач-

ное свечение, благодаря которому и можно было видеть все вокруг, не пользуясь внешними источниками света. Внутри этого туннеля царил странноватый, слегка кисловатый запах, что-то похожее я ощущал, когда мне в очередной раз в драке разбили нос. Галерея уходила вниз, превращаясь в просторный зал. В его центре мы заметили каменное возвышение, которое по форме напоминало алтарь. Стены подземного зала были покрыты вырезанными на камнях символами и рисунками. На одном из них был старец, держащий кривую палку в руках, его окружали вороны и муравьи, а также множество костей и черепов. Из подземного зала выходило еще несколько ходов. Из одного чувствовался сквозняк, по-видимому, рядом был еще один выход на поверхность.

Мы встали, подавленные звенящей тишиной, а потом внезапно раздался шорох тысячи крыл и странные скребущие звуки, похожие на цокот острейших когтей. Луч вдруг заработавшего фонаря идущего впереди предполагаемого брата рыжеволосой сестры осветил приближающийся к нам темный силуэт и два огромных широко расставленных желтых глаза.

Рыжая девчонка заверещала: «Волкодлак!». Ребята побросали свое снаряжение и бросились назад. Мы с Вовкой тоже побежали. Не смотря на то, что я уже давно не спортсмен, я мчался наравне с другими диггерами и в какой-то момент даже всех обогнал, именно в этот момент сзади послышался человеческий вскрик, так кричат от внезапной боли, а затем раздалось торжествующее рычание и замогильный вой. Я встал, рядом остановились рыжая девчонка и заросший черной бородой парень, тогда я понял, что от боли кричал Вовка и тоже заорал, так что сорвал голос. А мгновение спустя проснулся в холодном поту в своей постели и никак не мог заставить поверить себя, что это был обычный сон или необычный кошмар.

*

На настенных часах было три ночи, заснуть не получалось, я раскрыл ноутбук и решил сначала по адресу в Вовкином письме и пиратской базе определить его телефон, а затем разыскать все, что есть про пермские подземелья во всемирной сети Интернет, в этой общественной помойке и скопище истинно ложных знаний. За этими безумными занятиями я просидел остаток ночи до девяти утра, а в девять позвонил на Вовкин телефон, его определить с учетом возможностей интернет и некоторых моих навыков оказалось не так сложно. Минут пять были только длинные гудки, потом короткие, а затем кто – то нажал прием.

– Здравствуй Вова, – сказал я, глядя в свое окно, за ним шумели под шквалами осеннего ветра кроны тополей и дородная в красной шляпе тетка вела за собой стайку первоклашек куда-то на восток, возможно туда, куда уходили за знаниями и в поисках истины мудрецы прошлого.

В трубке мобильника молчали, а затем раздался мертвый женский голос:

– Кто это...? Что вам нужно... Вовы нет... Он пропал год назад... – А затем в мертвом женском голосе словно проснулась надежда, и он перестал быть похожим на лед: «Вы что-то знаете, не смейте молчать, Вы знаете, где находится Вова...!?» – теперь растаяв женский голос перешел на крик, который захлебнулся водопадом соленой воды именуемой материнскими слезами.

– Нет, ответил я проглотив снежный ком, и нажал кнопку отбоя... Не глядя давя и давя пока телефон не отключился совсем.

Итак, Вовка пропал год назад, а теперь этот дурацкий сон... Возможно случайность или мистическое совпадение, в любом случае меня не касается эта давняя история, – я думал так, вернее мой разум держался этого объяснения, а я сам сидел у своего ноутбука, и не отрываясь захлеб читал и пытался усвоить все, что удалось накопать во всемирной сети про пермские подземелья.

*

Глаза болели, но я все читал:

«Звезда» за 2009 год:

Город Пермь частью своей расположен на бывших шахтах. По этой причине в районе Мотовилихи проваливались дома, а недавно просел трамвайный путь на ул. 1905 года. По разным оценкам, у нас в городе за время его существования и за столетие до этого накопано от полутора до двух тысяч шахт.

Под нынешней улицей Сибирской до берега Камы в районе речного вокзала в XIX веке был проложен подземный гужевой путь. Сделали это местные купцы для доставки товара в свои магазины. По этой удивительной подземной дороге товары возили не на лошадях, а менее низкорослых и не боящихся подземелий лошаках – метисов рожденных от ослов и кобылиц. Дорога эта имела ответвления в подвалы магазинов и могла использоваться, как свидетельствуют историки, хитроумными торговцами для доставки также контрабандного товара с реки Кама и волжских судоходных путей. А надежней секретного подземного хранилища иного просто не придумаешь. Вот откуда обилие глубоких подвалов в домах, прилегающих к Сибирской... Подземная дорога была построена еще потому, что ее устроители не хотели портить архитектурный вид города. Раньше мостовые были деревянные, и чтобы не разбивать их подводами, на которых возили товары с набережной, крупные пермские купцы строили вот такие подземные сооружения.

По одной из версий, эти ходы соединялись с более древними шахтами, где могли скрываться запасы того же контрабандного товара. К тому же это место, где можно было укрывать продовольствие, например, во время пожара. Гужевые ходы-ответвления от главного хода располагались на глубине 4-8 метров под землей и представляли собой коридор со сводчатым потолком длиной 3-4 метра и высотой 2,5 метра. Проезжая часть выкладывалась бутовым камнем. По краям были предусмотрены сточные канавы. Дорога имела минусовый уклон 2-3 градуса в сторону Камы.

По сохранившимся в архивах Горьковской библиотеки документам, основных гужевых ходов было 5-6. Главный шел под улицей Сибирской от бывшего пивзавода и пролегал под нынешним речным вокзалом.

Начинали строиться гужевые "подземки" в Перми с 1860 года и прекратили свое существование в советские, послереволюционные годы».

Нет то место, где мы были во сне выглядело гораздо старше 19 века, от того подземелья пахло настоящей древностью.

Потерев виски и налив стакан горячего чая с медом я продолжил свои изыскания...

«АиФ»

«В начале марта 2011 г. при прокладке теплотрассы во дворе старинного особняка купца Мешкова, в котором в настоящее время расположен Пермский краевой краеведческий музей, строители натолкнулись на необычное подземное сооружение. Куполообразный свод старинного подземелья был настолько прочным, что несколько десятилетий выдерживал тяжелую технику».

Вот это как мне показалось, может пригодиться...

Однажды родная тетка, которую все почему-то все величали Кока, а не по имени, что было записано в паспорте, показала мне такой фокус. Подвела меня в полутемном коридоре нашей коммуналки к огромной дыре, пробитой в стене под умывальником. Вел этот ход в недра подвала, где складывались фрукты и овощи от соседнего магазина. Тетка соорудила какой-то факел, подожгла его и высветила мрачный провал в стене, прибавив: "Смотри сейчас, что будет". Через какое-то время в глубине дыры показали очертания рыжеватого чудища. По всей вероятности, это был хомяк, только исполинских для хомяка размеров, величиной с собаку. Чудище медленно двигалось в сторону огня, как зачарованное. Тетка загасила огонь, и видение исчезло.

Я бы не стал вспоминать о подвалах моего детства в центре старой Перми, если бы не найденная сейчас информация.

Между тем, я все читаю, погружаясь в тайны пермских подземелий все дальше и дальше, вернее – глубже и вот достигнув нужной степени глубины, натываюсь на следующую информацию:

«АиФ» за 2008 г.

«Городские архивы содержат записи о том, что во время основания города в 1723 году, там, где сейчас находится речной вокзал, был монашеский скит, а неподалеку от него древний деревянный идол, двух метров высотой. Вероятно, это был символ Чернобога, культ которого на протяжении многих столетий существовал на территориях будущей Перми. Был там и подземный храм этого божества».

«АиФ» за 2010 г.

«Местный диггер и уфолог Суботин, говорит, что он и его друзья обнаружили древнее языческое капище на высоком камском берегу – как раз в том месте, где стоит здание художественной галереи, бывший кафедральный собор. Капище расположено глубоко под землей, ему около четырехсот, а возможно и тысяча лет. По мнению Н. Субботина, посвящено сооружение культу Чернобога. По одной из версий, кафедральный собор специально поставили на том месте, чтобы святым храмом перекрыть подземную энергию, исходящую от проклятого капища».

По официальной версии пермских властей и научного сообщества, нет ни капища, ни ходов. Представители кафедры археологии Пермского университета не отрицают только, что жизнь на Урале зародилась задолго до вторжения Ермака (впрочем, этого никто не отрицает, а краеведческий музей заполнен экспонатами и артефактами, которым 1-2 тысячи лет и больше)».

Похоже, это то, что я искал...

Между тем, глаза слипаются от бессонной ночи, я хлопаю крышкой ноутбука и, сделав четыре шага до своего дивана, отправляюсь в царство морфея, или просто снова проваливаясь в очередной сон.

Сон 2

В этом сне, я оказался все в тех же подземных лабиринтах, только теперь уже один, после блужданий в темноте на ощупь я вышел в зал со сводчатым туннелем, который был облицован красным кирпичом и белой светящейся плесенью. Сделать хотя бы шаг и выйти к святилищу Чернобога, в котором погиб Вовка не было сил, только холодный сковывающий любое движение страх, с запахом свежей могилы, белой плесни и ржавого железа.

И все же я сделал этот шаг...

Серая тень метнулась из под ног, и раздалось возмущенное шипение.

– Кто здесь, конечно я случайно выронил этот вопрос из своего рта, наверное с испугу, растерявшись.

Но серая тень удосужилась дать ответ:

– Я всего лишь кот, человек и как вполне разумный кот советую тебе закончить нашу беседу случайно заданным тобой вопросом, а иначе не будет дороги назад. Твой друг погиб, смирись, Черного здесь уже нет, но он может вернуться, поэтому – уходи....

Я замолчал, обдумывая слова существа представившегося котом.

Оно или он действительно очень был похож на кота, только очень большого, точно больше мэйкуна и наверняка крупнее рыси. Чрезвычайно пушистая серая шерсть мерцала в темноте и переливалась подобно горсти бериллов, на месте глаз у него похоже были два мутных изумруда, а голос подобен пению ангелов.

От звучания его ангельского мурлыкающего голоса одновременно хотелось уснуть и мчаться быстрее ветра, если бы вдруг не отказавшиеся слушаться ноги.

– Я могу что-нибудь для него сделать, – этот вопрос также помимо воли вырвался из моего рта.

– Ну, если ты попал сюда во второй раз и готов идти дальше, кот, кажется, задумался, опустив свою пушистую морду, буквально касаясь ею усыпанного каменной крошкой грязного пола подземелья, а потом, резко вскинув свою морду с серой шерстью мерцающей ограненными бериллами и глазами – горящими неведомым светом мутными изумрудами, продолжил свою мысль: ты можешь сделать для своего друга многое.... Например.... вернуть ему жизнь.....

– Как это сделать? – мой рассудок на пару с разумом наблюдали со стороны, как мой рот задает третий глупый вопрос волшебному коту.

– Ведающая мать должна знать.... – ответил большой серый кот с глазами похожими на два горящих мутных изумруда, с голосом подобным пению ангелов и шерстью мерцающей подобно горсти бериллов. – Я долго служил ей верой и правдой, пока не решил гулять сам по себе. Конечно, она какое-то время таила на меня зло, но что такое время перед лицом вечности, вот уже как лет сто она меня, кажется, простила, и зовет повидаться. Если ты скажешь, что пришел от меня, она должна помочь.

– Как мне ее найти?

– Это четвертый вопрос, – ответил кот. – По закону ты не имеешь права задать больше трех, – Он повернулся и поднял хвост трубой, собираясь уйти, но обернувшись, бросил, словно плюнул в душу: – Спроси у бездомных собак, ты забыл про них, а они помнят.... они всегда помнят, тех, кто их любил и насытил их жажду голода однажды, когда это было нужно больше всего...

– Зачем ты мне помогаешь, спросил я у кота с двумя мутными изумрудами вместо глаз, с голосом подобным пению ангелов.

Кот задрал заднюю правую лапу и немисливо прогнувшись, почесал себя за левым ухом:

– Я долго был людоедом, крал малых детей, а потом служил при одном забавном царском дворе, исцеляя больных своими рассказами и сказками. Кот вернул правую лапу на место: Я давно не делал добра и если признаться, не знаю, является ли добром моя помощь тебе. Кот улыбнулся, заимствуя эту привилегию у своего Чеширского собрата, а затем, зевнув заразительно сладко и прогнувшись дугой потянув спинку, закончил нашу беседу следующими словами: А еще не терплю правил, поэтому обожаю их нарушать...

Я только кивнул, по простой человеческой привычке в благодарность я хотел нагнуться и почесать необычного кота за ушами, но он, сжавшись подобно пушистой серой мерцающей пружине, зашипел, так как сделал это, когда я чуть не наступил на его правую лапу.

Я отстранился. – Спасибо, кот, – я, и на секунду прикрыл глаза, пытаюсь понять, можно ли делать это во сне, и как изменится в связи с этим сюжет моего сна.

– Если так хочется, можешь меня погладить, услышал я голос кота сквозь закрытые глаза. Протянув руку на ощупь я коснулся мягчайшего словно тополиный пух меха и почесал кота сначала за правым, а потом за левым ухом. Послышалось довольное мурчание, такое громкое как будто рядом вдруг кто-то попытался завести мотор своего автомобиля.

– А когда я открыл глаза, кота рядом уже не было, впрочем, как не было и подземелий. Я находился у себя дома – в кухне, в семейных трусах и со стаканом воды в правой руке. Выплеснув воду в раковину, я достал из кухонного шкафа бутылку десятилетнего коньяка «Букет Дагестана» налив стакан на половину и выпил залпом, закашлявшись, но, не проснувшись, иначе, почему я помнил и ощущал все, что было этой ночью как реальность. Громко шумел холодильник, а за окном шумел день, простой субботний день сентябрь 2017 года от рождества Христова. У меня болела правая часть груди, там, где сердце, между тем, после нашей с котом беседы мне стало легче, все это... похоже на серьезную степень помешательства и все же я получил ответы на мучившие меня вопросы и план действия на ближайшее время.

1. Съездить к Вовке и разузнать все подробности его «возможного» исчезновения.

2. Постараться забыть все как страшный сон и допить коньяк.

Все это правда, просто страшный сон и никаких чудес.

Я открыл свой ноутбук, там оказалось множество незакрытых страниц с информацией о пермских подземельях, по крайней мере, это мне не приснилось, в текстовом документе на рабочем столе был сохранен найденный мной номер телефона Вовки...

Визит 3

Мы устали идти вперед, а может быть нам осталось сделать всего лишь один шаг и там впереди, то, что мы искали, то, что хотели, то, что нужно или то, что окончательно разрушит всякую веру, но мы отряхнемся и все равно пойдем дальше пока есть хоть капля надежды.

В единственном письме, которое я получил от Вовки значился адресат у. Коломенская. Это одна из редких улиц нашего города, которая сохранила старое название.

По одной из версий, «коломище» означает «могилище», а как гласят городские легенды, место на котором воздвигли этот район представляет собой большой могильник, не самое удачное место для человеческого жилья, но в больших городах так заведено живые часто теснят мертвых не думая об их и своем покое, нехватка места, большие города растут, ширятся, захватывают новые территории и по праву захватчика сами решают судьбу завоеванного.

Я застыл на пороге Вовкиной квартиры и никак не мог заставить себя нажать на кнопку входного звонка...

Дверь открылась сама, на пороге стояла молодая еще женщина лет сорока пяти, но все равно она была похожа на приведение. Все движения замедленны, а в глазах все та же пустота, что я видел не однажды в глазах людей потерявших смысл жизни или очень близкого человека.

– Это вы звонили, – на ее лице промелькнула тень или возможно солнечный луч, такое бывает поздней осенью, когда небо становится отчаянно ледяного цвета и сквозь грязные дождевые тучи внезапно пробивается сгусток ушедшего кажется навсегда настоящего летнего тепла, оно не способно разбить лед и мало что способно изменить, но все равно дает надежду.

Я нес ей надежду, которую она не могла, но безумно желала обрести....

– Да, могу пройти? – я ответил и задал свой вопрос.

– Входи..., – она отошла в сторону.

В этой квартире были зашторены все окна, а свет горел только в одной комнате, там, где на полу валялся затертый футбольный мяч, на стенах фотографии парусных кораблей, в углу офисный рабочий уголок с неновым компом и коллекцией солдатиков в странных доспехах и невиданным мной ранее всевозможным холодным оружием. На диване прикрытым клетчатый пледом лежал раскрытый фотоальбом.

– Можно я посмотрю: Спросил я у пустоты за своей спиной.

– Да, – ответила пустота.

Это был он.... Мой Вовка таким, каким он был в детстве и уже взрослый – из моего сна: вот он улыбается, вот грустит, в компании друзей и совершенно один, на лоне природы и посреди местных каменных джунглей, где то на крыше высотки, видимо, пытается дотянуться до неба или быть ближе к солнцу....

Я закрываю альбом и вновь начинается наш скомканный разговор, состоящий из рубленых фраз, многозначных слов и замолчанных важных смыслов, заблудившихся среди ненужных вопросов.

– Я никогда не видела тебя.....

– Я очень старый друг.... Мы виделись в последний раз, когда за ним приехал отец...

– Да, тогда я потеряла его в первый раз.... Если бы его отец не разбился на своем проклятом мотоцикле, возможно я так никогда и не вернула Вову себе... Ты точно не знаешь, где он и что с ним случилось?.....

– Нет, – вру я. Мне хочется расспросить ее о любимых занятиях Вовки, о том, как он стал диггером, зачем и куда он отправился в тот злополучный день, но малодушничая, так и не могу набраться сил сделать это, а лишь шепчу сквозь сомкнутые зубы: Простите..., – и тороплюсь распрощаться, и уйти, но все же, задерживаюсь у выхода из квартиры, чувствуя спиной ее, молящий и одновременно обвиняющий – взгляд.

– Если ты что-то узнаешь про Вову, ты мне позвонишь, спрашивает его мать у моей спины.

– Да, я сделаю все что смогу, – отвечаю я осеннему лучу, возможно, последней надежде снова зажечь свет смысла в ее жизни.

Начало Пути... Ведающая Мать 4 и 5

Домой я решил добираться пешком, чтобы обдумать все происходящее и кажется, сделал это зря. Осень, солнечный день, но мгновение – хлопанья серых крыл и набегают тучи, закрывая все небо, идет холодный дождь стеной и невозможно укрыться от этого холода... пронзающего тебя насквозь, я потыкался в пару ближайших подъездов чужих домов, словно стая мамонтов притаившихся и навечно застывших на этой незнакомой улице, месте ставшим их последним пристанищем, но везде стоят домофоны и кодовые замки, наконец мне повезло, мне удалось найти временный приют в заброшенной трансформаторной будке. Я прислонился спиной к грязной кирпичной стене, и прикрыв глаза, выдохнул из себя накопившуюся за этот день серую муть, простую человеческую усталость. А когда открыл их, услышал чьи-то приближающиеся голоса:

– Лысый тащи ее сюда, хорошее место, тихое...

– Помогай Щегол, ты тоже хочешь сладкого, – ответил второй.

Я замер в тени сваленных в трансформаторной будке отсыревших картонных ящиков и наблюдал, как две живые тени затащили в мое убежище третью.

На первый взгляд – обычные гопники, да и на второй тоже: засаленные от постоянной носки спортивные костюмы, созданные в пределах китайского рынка трудолюбивыми азиатскими мигрантами, раскисшие замурзанные кроссовки и такие же убогие лица как будто картинки из пособия доктора Ламброзо: с полным отсутствием интеллекта, но наполненные звериной хитростью, искрящиеся от замороженности глаза, суетливые, угловатые то замедленные, то необычайно резкие движения, указывающие на чрезмерную агрессию.

Затаившись, я наблюдаю за происходящим из своего импровизированного укрытия, совершенно не желая быть обнаруженным и влипнуть в очередную историю.

И тут послышался протяжный болезненный стон, его издала третья тень, при внимательном взгляде оказавшаяся молоденькой темноволосой девушкой в красном плаще. Именно ее затащили в трансформаторную будку называющие друг – друга Лысый и Щегол. Приглядевшись еще лучше, отчетливее начиная различать происходящее в этом сумраке, я разглядел, что влага, стекающая по лбу девушки неестественно темного цвета, даже в потемках кровь мало похожа на дождевую воду... видимо девушку ударили по голове чем-то тяжелым, возможно подкравшись сзади...

Доблестный рыцарь во мне пожелал гордо выйти из тени со словами призванными пристыдить или напугать сих злодеев, но тут же заткнулся, когда услышал щелчок, с которым из руки Лысого появился кусок остро заточенной стали – нож выкидуха, такие я видел в кино про уличные банды. Этой самой выкидухой Лысый начал срезать с темноволосой девушки, так и не пришедшей в сознание ее одежду. А Щегол деловито из полосок когда-то модного красного плаща девушки мастерил веревки, ими он сначала связал ей запястья, а затем, раздвинув ей ноги, привязал каждую к торчащим из бетонного пола ржавым арматуринам.

А я все стоял и молчал, как будто происходящий кошмар меня не касался, это было как в кино, когда ты подсознательно пугаясь и даже сочувствуя героям сего действия, не веришь в реальность происходящего... Я не верил, когда Лысый улюдою запыхтев, полез на обнаженную уже темноволосую девушку сверху, только прикрыв глаза, я поверил, что все по правде, когда Щегол, позаимствовав выкидуху Лысого прошипел меж смердящих дешевым пивом щербатых зубов: сейчас ты будешь живее... Крошечка, и полоснул заточенным лезвием по правой ноге девушки, лежащей еще без сознания... раздался громкий женский визг...

Я присел..., нащупав левой рукой в окружающей меня грязи достаточно увесистый кусок битого кирпича, и с криком:

– Что ты делаешь, сука!!? – вышел из тени...

Лысого подбросило как кошку на раскаленной крыше, он вскочил, как был без штанов, его я первым ударил куском кирпичика по голове, по ней сразу заструилась кровь, совсем как у лежащей под ним девушки, и Лысый рухнул – как стоял.

Однако рано было торжествовать победу, из-за спины Лысого мгновенно появился Щегол с ножом – выкидухой.

– Брось кирпичик козлиная, – прошипел Щегол, видимо шипение было его излюбленной манерой общения, это все о чем я успел подумать, перед тем как бросить кирпич... ему в голову... однако промахнулся, это оказалась чрезвычайно увертливая тварь.

Криво ухмыляясь и облизывая свои белесые узкие губы, в моем видении мира как будто бы раздвоенным языком, Щегол медленно приближался ко мне, даже не поинтересовавшись самочувствием своего лежащего на полу товарища.

– Посмотри что с твоим другом, – спросил я, пытаюсь отвлечь внимание этого отморозка, взглядом ища вблизи все, что может быть или стать оружием.

– Поххх, – прошипел Щегол и сделал еще один шаг вперед.

Вот теперь дурак, ты можешь доблестно умереть подумалось мне, я не сомневался, что Щегол намеревается загнать лезвие ножа-выкидухи мне в область живота, чтобы значаща схватить кураж и отомстить лоху, внезапно помешавшему получать ему удовольствие на пару с корешом, обломавшему их кайф.

И в этой тишине предшествующей кровавой развязке со стороны входа в заброшенную трансформаторную будку послышался грозный рык. Этот звук заставил именуемого – Щеглом, повернуться назад...

На пороге трансформаторной будки стоял бездомный пес, остроносый, с грязной покрытой колтунами и шишабарами рыжей шерстью, размером чуть больше кошки...

Щегол дико заржал, и перекинув нож выкидуху из правой руки в левую сделал еще один шаг в мою сторону, готовый нанести молниеносный удар. Он не видел, как за его спиной появился еще один бездомный пес – совершенно белый, излишне тощий, но действительно крупный, пожалуй, я никогда не видел таких больших собак, действуя в отличие от своего собрата совершенно беззвучно он в два прыжка одолел расстояние, разделяющее нас с моим врагом, и уже на излете вцепился в горло Щегла, вырвав оное с одного укуса. Заливая багровой артериальной кровью своего дружка находящегося без сознания и связанную визжащую девушку с темными волосами Щегол выронив нож-выкидуху из своих внезапно ослабевших рук рухнул на грязный пол также как до этого его приятель.

Все закончено, большой белый пес подошел ко мне и уткнулся своим носом в мою ладонь, совсем так, как это было десять лет назад, когда я и Вовка жили в пионерском лагере и ходили к прогнившему дырявому забору кормить бездомных собак.

– Здравствуй друг, – прохрипел я. А пес промолчал, только завилал обрубком своего белого хвоста.

Ножом – выкидухой, запачканным кровью Щегла я разрезал самодельные веревки, стягивающие руки и держащие ноги темноволосой девушки. Медленно поднял ее с грязного бетона и завернув в свою кожаную куртку которая была ей ниже колен обнял и прижал к себе, ее трясло словно под током, глаза полны слез, а лицо все в крови, ее собственной и крови Щегла.

– У тебя есть телефон? – спрашиваю у темноволосой.

– Он у них, – шепчет темноволосая.

Нахожу сотовый с первой попытки в левом кармане спортивных штанов Щегла.

Я спрашиваю у нее адрес этого места, а затем вызываю скорую помощь, не сомневаясь, что после рассказанной мной истории диспетчер скорой помощи вышлет по этому адресу еще и наряд полиции.

Обрывками красного плаща связываю руки и ноги Лысого.

– Мне нужно идти, – говорю я темноволосой девушке, – ты теперь ничего не бойся, все будет хорошо, и намереваюсь покинуть это поле боя...

– Стой !!!, – кричит темноволосая девушка, кутаясь в мою кожаную куртку. – Мне будет страшно!!!!

Я на мгновение задумываюсь, а потом еще раз прошу ее не бояться, объяснив, что спрячусь рядом с трансформаторной будкой и буду охранять ее, пока не придет скорая помощь.

– Не уходи..., – плачет темноволосая девушка.

Но я ухожу... дождь практически закончился, я занял позицию за углом ближайшего к заброшенной трансформаторной будке дома. Собаки: маленькая рыжая чуть больше кошки и огромная белая отправляются за мной и замирают в метре от моего нового убежища, молча виляя своими лохматыми нелепыми хвостами.

Быстро темнеет, практически уже поздний вечер, так быстро промелькнул этот осенний день.

Скорая помощь подъезжает минут через десять, через пару минут прибывает полицейский патруль на привычном, еще с советских времен, горбатом канареечно желтом газике.

Второе мое убежище, оказывается не таким надежным, как первое, вышедшие из газика ППСники тут же наметанным взглядом вычлениют мою фигуру в тени домов.

Двое направляются в сторону заброшенной трансформаторной будки вместе с врачами, а двое идут в моем направлении:

– Эй, парень, – кричат они.

И я бегу..... сам не зная куда....перепрыгивая лужи и низкие заборы дворовых палисадов, поскользываясь, падаю в придорожную лужу, а поднявшись, чувствую, как кто то вцепился в правую штанину моих джинсов.... Это большая белая собака... она тащит меня куда-то между развалин гаражей, потом через скользкий практически намертво прогнивший мостик, перекинутый через совершенно черный ручей с масляной пузырящейся жижей вместо воды, запущенный сквер, в котором не горит не один фонарь и все дальше и дальше, крики моих преследователей и трель свистка за спиной становятся все тише, и наконец, мы оказываемся в каком-то уж совсем трущобном полуживом районе, раскинувшемся в большом логу среди древних деревянных и редких, кажется еще купеческой постройки кирпичных домов, здесь тоже нет фонарей и только некоторые из домов выглядят отчасти живыми. Уже настоящая ночь и в этом месте ее приход ощущается намного сильнее, как будто весь мир проглотила внезапно рухнувшая с небес тьма или это сделал большой черный волк.

Рыжая собака чуть больше кошки радостно тявкает у крохотного деревянного домика похожего на избушку, в ее окне тут же загорается свет, и на пороге появляется древняя старуха с керосиновым фонарем в трясущейся правой руке.

– Кого там принесло, Рыжик.

В тусклом свете керосинового фонаря я вижу, что это довольно уродливая старуха, с большим горбатым носом – крючком, кажется полуслепая и припадающая на правую – видимо больную ногу.

Большая белая собака стоит рядом со мной тыкаясь в правую ладонь своим жарким носом как будто хочет поддержать.

– Я..., вы Ведающая мать... меня послал к вам большой серый кот с глазами похожими на два горящих мутных изумруда, с голосом подобным пению ангелов и шерстью мерцающей как горсть бериллов, – шепчу я пытаюсь справиться с абсурдностью происходящего. – Меня всего колотит, окружающий мир кружится и меня затягивает в эту воронку, я не могу сопротивляться происходящему – промерзший, уставший, и кажется потерявший рассудок человек...

Стоящая на крыльце древняя старуха с керосиновым фонарем смеется, а мне кажется, как будто это кудахчет скрипуче огромная наседка.

– Проходи, – произносит она, – Как же от тебя мерзко воняет....

Мне стыдно, я действительно чувствую запах болезненного пота и грязи, в которой я вывоzilся, упав в лужу, а еще я пахну человеческим страхом, кровью и смертью.

Внутри полусгнившая избушка выглядит неожиданно уютно: треть ее это большая беленая печь, в которой потрескивают березовые поленья, распространяя вокруг все проникающее тепло, пол устлан вязаными половиками в несколько слоев на них вместо привычной геометрии и полосок – коловороты, трезубцы, рыбы и еще какие-то неизвестные мне знаки и символы. У широкого окна с белой геранью на подоконнике стоит небольшой деревянный стол с привычными для деревни кухонными принадлежностями и широкая лавка, застланная медвежьей шкурой, справа от стола полки с чугунками и глиняными крынками, с лева ручной умывальник и большой медный таз под ним. Над печкой и у противоположной окну стены развешаны на шелковых алых нитках дурмящее пахнущие травы и корешки. В этой единственной комнатке: кухне, столовой и бабкиной спальне, судя по лоскутному матрасу на печке, безусловно чисто и видно, что эту чистоту поддерживают в порядке, ее лелеют не смотря на видимую немощ хозяйки.

Присев на лавку, прикрытую медвежьей шкурой с позволения бабки я кажется, на минуту прикрываю глаза, а очнувшись, слышу ее деловитое ворчание: мол, не пора ли мне, добру молодцу идти до затопленной ей баньке... смыть с себя поганый человеческий дух...

Я хочу спросить, как мне ее найти, но горбоносая древняя старушенция отвечает вперед на еще на не заданный вопрос...

– Рыжий покажет... А ты Беляк ступай к ручью вымой свою морду, больно смердящая ржа осталась на ней.

Я медленно бреду за рыжим псом чуть больше кошки, вдыхая запахи незнакомых трав, сырой земли, леса, воды, древесной гнили и еще чего-то непонятного, но не вызывающего отторжение, я поднимаю свое чело, на небе стали видны одинокие холодные звезды, но вокруг все еще достаточно непроглядной тьмы. Банька больше похожа на вырытую в земле землянку, вход в большую нору, прикрыт созревшей сосновой дранкой и корой, из маленькой каменной трубы идет невидимый практически, но ощущаемый в запахах ночи дымок. Внутри бани выложенное бутовым камнем крохотное помещение с лавкой, парой крючков для одежды, дубовой бочагой с ледяной водой и старым медным тазом с одной стороны и печкой-каменкой с другой, весь свет только от шипящих в печке березовых поленьев, окна здесь нет, дверка в баню чуть больше сажени, я проникаю туда, согнувшись буквально вдвое.

Смыв с себя всю грязь сегодняшнего дня, я с удивлением обнаруживаю, что моя грязная одежда уже чиста и отглажена, лежит на лавке рядом с медным тазом. Перед тем как покинуть баню, я опускаю свое лицо в древнюю дубовую бочагу и погружаюсь в прохладу чистой родниковой воды, которая катилась с вершин ледников, пронзала глубины земли, и струилась в лесистых оврагах насыщаясь силой гор, земли, трав, больших деревьев и отраженного в ней вечного неба.

Дорогу к избушке нахожу уже без мощи проводника.

В доме Ведающей матери пахнет наваристой мясной похлебкой, капустными пирогами и свежесваренным чаем с листьями смородины, земляники, сушеным шиповником, яблоками, диким медом и еще неразгаданными мной травами. Только теперь я осознаю на сколько голоден...

– Искушай сей пищи доблестный отрок, – пафосно заявляет крючконосая бабка.

– Благодарствую, – я пытаюсь соответствовать ее тону и манере общения, но прикоснувшись к вкуснейшей пище, тут же забываю о всяких приличиях, хлюпаю, чавкаю, роняю что то на пол. А ведающая мать только смеется, словно кудахчет огромная наседка.

Насытившись, я чувствую, как начинаю засыпать.

– Ложись здесь на медвежьей шкуре, и ничего не бойся, – слышу я голос древней бабки, успевая подумать, как там девушка с черными волосами и тут мое сознание гаснет как свеча на ветру.

В моем сне мы с Ведающей матерью вместе сидим за столом и ведем непростую беседу.

– Какой же ты дурачок, – произносит Ведающая мать, ощерилась в подобии улыбки на очередной мой вопрос, если бы не острые кривые клыки серого цвета со следами гниения, я бы честно мог назвать это – улыбкой, но видимо старая думает иначе, разрождаясь кудахтающим залиvistым смехом, быстро переходящим в отчаянный кашель. Какая же она действительно древняя старушенция, решаю я и задаю свой главный вопрос.

– Бабушка, я могу спасти своего друга?

– Можешь дурачок, но стоит ли платить за то, что уже случилось тем что может и не произойти... вступая на этот путь....

– Да я знаю, – перебиваю я Ведающую мать, – Кот говорил, не будет дороги назад и все изменится....

– Да ты ничего не знаешь, – кричит бабка, если ты пойдешь этим путем, ты должен будешь пройти до конца.... или окончательно умереть....

– Знаю, – отвечаю я на ее крик, – Кот говорил.....

– А ты знаешь, что нужно пройти?

– Нет, я думал, об этом мне расскажешь ты.....

Бабка задумывается, опуская голову к земле, как это сделал в свое время кот с глазами похожими на два горящих мутных изумруда, с голосом подобным пению ангелов и шерстью мерцающей как горсть бериллов:

– Ты должен будешь найти мертвую и живую воду, мертвую стережет Черный волк, про живую ничего не могу сказать, это привилегия иной стороны, возможно, тебе придется сразиться с Бессмертным воителем, а для начала найти проводника в трижды девятое королевство, прибежище ушедших кудесников и мудрецов.

Я лишь киваю, совершенно не понимая то, о чем она говорит.... Видимо мне снится сказка...

– Скоро рассвет, – произносит древняя старуха с крючковатым носом, двумя омутами бездонных темных глаз – Ведающая мать, хранительница древних тайн. Ты увидишь все, что должен видеть, пойдешь к Стиксу и спросишь у Проклятой девочки, где вход в Подземные чертоги, Берегись Черного волка и его Хозяина, пока у тебя недостаточно сил, чтобы одолеть хотя бы одного из них, попробуй найти проводника, когда Герой вступает в Подземные чертоги, судьба посылает ему надежного спутника и смерть в конце пути, если не будешь следовать своему предначертанию, поэтому строго следи за нитями судьбы, не уходи когда нужно сделать предначертанное и ты разрушишь первоначальное заклятие конца возвернувшись к началу. Я честно пытался не пропустить не одного сказанного ей слова, но снова заснул и забыл половину.

*

Проснулся я с необычайной легкостью во всем теле и в голове, хотелось петь и танцевать, обнять и расцеловать весь мир, за окном светила звезда по имени солнце, паутинка лучей запуталась в белой герани, пахло свежесваренным чаем и вчерашними пирогами.

Ведающая мать стояла по противоположную сторону стола и смотрела на меня с глубочайшей грустью и пониманием.

– Вставай Аника воин, тебе нужно идти, ты сделал свой выбор и не будет дороги назад. У ее ног поскуливал, ластаясь и выпрашивая кусочек пирога Рыжик.

Я умылся ключевой водой и наскоро попил чая с пирогами.

Уже у порога оборачиваюсь, чтобы спросить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.